

УДК 821.111

**ОБРАЗ СТАМБУЛА В РЕЦЕПЦИИ АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ
(НА ПРИМЕРЕ ТРЭВЕЛОГА МАРКА ТВЕНА
«ПРОСТАКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ», 1869)**

© 2015 г.

О.Ю. Анцыферова, О.Ю. Листопадова

Ивановский государственный университет

olga_antsyf@mail.ru, olga_listopadova@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2015

Статья начинается многоаспектное исследование образа Стамбула в англоязычной литературе. Стамбул как воплощение культурного пограничья представляет богатый материал для имагологического анализа. На примере юмористического трэвеллога Марка Твена «Простак за границей» («The Innocents Abroad», 1869) рассматривается образ Стамбула, созданный с точки зрения «наивного сознания» американского путешественника-паломника. «Простак» (смеховой образ Марка Твена) демонстрирует стереотипные представления о Востоке, сложившиеся на основе путеводителей и книг, написанных западными авторами, поэтому твеновский образ Стамбула может быть проанализирован на основе методологии Эдварда Саида. Цель статьи – исследовать природу и генезис когнитивного диссонанса, комически репрезентированного Твеном в его книге путешествий.

Ключевые слова: литературный урбанизм, имагология, ориентализм, культурная инаковость, романтические стереотипы.

В последние десятилетия в современном литературоведении приобрели особую актуальность исследования, посвященные образу города. Город рассматривается не только как топос – в географическом и историческом плане, но и как текст, обладающий своим кодом культурных отсылок, как образ, метафора, символ. Бесспорно наличие городов, наделённых особым статусом ввиду особой значимости и семантики.

Такие города можно условно разделить на три группы:

– города, семиотическая маркированность которых равно ощущается представителями разных наций (Рим, Флоренция, Венеция, Афины, Париж);

– города, особо значимые для представителей отдельной нации (Москва, Петербург для русских);

– города, семантически выделенные для какого-то отдельного человека (Берлин для В. Набокова и некоторых других русских писателей, оказавшихся в эмиграции в начале 20-х годов; Вятка для М. Е. Салтыкова-Щедрина) [1].

В этом ряду весьма многообещающим предметом исследования является Стамбул. Этот крупнейший город Турции словно олицетворяет культурное пограничье – пролив Босфор разделяет город на европейскую и азиатскую части, Стамбул-Константинополь обладает богатой

историей – в разное время он был столицей Византийской и Османской империй. Литераторы не раз обращались к Стамбулу, черпая в нем вдохновение, причём писали об этом городе не только турецкоязычные, но и англоязычные авторы – европейцы и американцы. Восприятие Стамбула авторами из Европы и США во многом отражает стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и (почти всегда) «Запада» и названный Эдвардом Саидом *ориентализм*. [2, с. 9] С точки зрения Саида, Восток — это почти европейское изобретение, это один из самых ярких в европейской литературе образов «чужого».

В последнее время подобные исследования культурного «другого» стали остро актуальными. Это связано:

– во-первых, с современной социокультурной ситуацией, отмеченной все возрастающей глобализацией и взаимопроникновением культур;

– во-вторых, с повышенным интересом постструктуралистского литературоведения к данной проблематике, выдвинутой на первый план в постколониальных, феминистских, гендерных и пр. штудиях.

На фоне многочисленных исследований западной рецепции образа Востока практически неизученной остается западное восприятие Турции и ее столицы Стамбула. Одним из при-

меров этой рецепции является книга Марка Твена «Простак за границей» («The Innocents Abroad», 1869), в основу которой легли письма и личный опыт писателя, путешествовавшего с группой религиозных паломников по Европе и Ближнему Востоку в 1867 году. В числе различных стран и городов писатель посетил Стамбул и с присущим ему юмором описал это путешествие и свои впечатления от лица путешественника по странам и континентам простака.

Амбивалентность образа простака – главного героя твеновской юмористики – хорошо раскрыта П. В. Балдицыным, который пишет о субъекте повествования юмористики Твена: «“Марк Твен” — конечно же, не простак, а шут, который лишь разыгрывает из себя простака и доводит его свойства до абсурда. Этот образ неоднозначен, многослоен и несводим к одному единственному типу» [3, с. 217]. Это скорее положительный персонаж, однако он зачастую невежественен и ограничен рамками собственного опыта [3, с. 216]. Сам Марк Твен сформулировал наивность как способ описания своих путешествий следующим образом: «...показать читателю, какими он увидел бы Европу и Восток, если бы глядел на них своими собственными глазами, а не глазами тех, кто побывал там до него» [4, с. 61].

В своих путевых заметках автор несомненно иронизирует над романтической традицией описания Востока, присутствовавшей, например, в «восточных поэмах» Дж. Г. Байрона («Oriental tales», 1813—1816 гг.), Р. Саути («Thalaba the Destroyer», 1801), Т. Хоупа («Anastasius», 1819) и др. [5] Восток в их произведениях представлялся в образе волшебного цветущего края с экзотичной и манящей культурой, полной загадок и чудес, красивых сооружений, совершенно непохожих на западные, край, где женщины были скрыты покрывалами, добавлявшими им таинственности, где аромат кальяна пьянил и завораживал. Известно, что литературно-эстетические взгляды Марка Твена формировались в открытой полемике с романтизмом: творчество романтиков представлялось ему нестерпимо фальшивым, искусственным и скучным [6]. Писатель не раз высмеивал романтические штампы и такие издержки романтического стиля как эмоциональность, выпренность, гиперболизм [7, с.92]. На наш взгляд, твеновское описание Стамбула в «Простак за границей» во многом конструируется этой полемикой с романтическими штампами.

С первых же строк рассказчик высказывает своё противоречиво-ироничное мнение о городе

– нет места прекраснее Стамбула, но только если смотреть на него издалека, со стороны моря: *Seen from the anchorage or from a mile or so up the Bosphorus, it is by far the handsomest city we have seen* [8]. Именно с такого ракурса можно увидеть древние мечети со множеством минаретов и пышные восточные сады, которые так часто описывались западными путешественниками: *...the metropolis with the quaint Oriental aspect one dreams of when he reads books of eastern travel* [8]. Стамбул предстаёт перед читателем как величественный город восточной культуры и необыкновенной красоты, город-сказка, город-экзотика. Однако рассказчик ментально нарушает горизонт ожидания читателя, уточняя, что вся привлекательность города начинается его живописностью – и ею же и заканчивается: *But its [Istanbul's] attractiveness begins and ends with its picture squeness* [8]. Любопытный путешественник, сошедший на берег в Стамбуле, будет проклинать этот город до самого возвращения на борт. При этом для описания своих чувств герой использует слово с очень сильной эмоциональной коннотацией ненависти и отвращения – «to execrate», тем самым интригуя читателя и внося определённый диссонанс в восприятие устоявшегося стереотипа «прекраснейшего города из всех увиденных»: *From the time one starts ashore till he gets back again, he execrates it [Istanbul]* [8].

То же разрушение романтических конвенций мы обнаруживаем и в описании лодок, на которых следует переправляться через бурный Босфор. Они действительно красивы и самобытны, в настоящем «романтическом» стиле: богато отделанные, узкие, как лезвие ножа. Однако в сознании по-американски прагматичного «простака» в подобных лодках толку мало — да, они красивы, но совершенно не приспособлены для того, чтобы на них плавать: *The boat [...] is admirably miscalculated for the service it is built for... few men could row it satisfactorily even in still water...* [8].

Экзотические восточные одежды повергают рассказчика в шок и недоумение. Описывая их, он употребляет броские эпитеты «outrageous», «outlandish», «thunder-and-lightning costumes», ярко характеризующие палитру переполняющих его эмоций. Повседневная восточная одежда для простака представляется нелепым и диким маскарадом: *It was a wild masquerade of all imaginable costumes* [8]

Многолюдность стамбульских улиц также поражает рассказчика – он сравнивает город с ульем, полным пчёлами: *People were thicker than bees...* [8]. Общее впечатление театрально-

сти подкрепляется следующим сравнением: *Ashore, it was—well, it was an eternal circus* [8]. Сравнивая Стамбул с многовековым цирком, герой при помощи повторов и подверстывания разговорного «well» даёт понять, что он находится в замешательстве и не совсем знает, как охарактеризовать свои чувства. Цирк, маскарад, улей с пчёлами – эти образы передают ошеломление путешественника культурной инаковостью Стамбула.

О турецких женщинах в традиционных одеждах, скрывающих их с головы до пят, рассказчик отзывается не как о загадочных и таинственных незнакомках с манящими глазами (ведь только глаза и видны в подобных одеждах), а как о закутанных в саваны мертвецах, вышедших из могил: *they look as the shrouded dead must have looked when they walked forth from their graves...* [8]. И вновь оказывается, что детали восточного быта, будучи помещенными в западную систему координат, перекодируются и становятся знаками чуждой для восточного сознания семиотической системы..

Несоответствие ожидаемого и действительного заставляет рассказчика ещё раз дать ироничную ремарку о том, что хотя бы раз в жизни каждый должен обязательно увидеть Стамбул – но никак не чаще: *A street in Constantinople is a picture which one ought to see once – not oftener* [8].

Сердцем Стамбула считается Собор Святой Софии. Его красотой и уникальностью также традиционно восхищались все путешественники, однако герой остался от него не в восторге. Он словно извиняясь, находит этому причину в своём недостатке понимания красоты: *I suppose I lack appreciation... It [St. Sophia] is the rustiest old barn in heathendom...* [8]. Рассказчик подтверждает своё, возможно, чересчур категоричное сравнение Собора Святой Софии с хлевом, тем фактом, что, из-за традиции разуваться при входе в мечеть на его ноги налипла смола, какая-то слизь и грязь, которую было крайне трудно очистить. Кроме того, из-за ходьбы по холодному полу в одних носках рассказчик простудился: *I caught cold, and got myself so stuck up with a complication of gums, slime and general corruption...* [8]. С возмущением герой отмечает, что об этой грязи в путеводителях почему-то ни разу не было сказано, в то время как «прекрасные» колонны и «великолепный» купол там неоднократно упоминались. Также впоследствии он отзовется о Большом Базаре – после описания его необъятности, множества товаров, представленных там, торговцев из различных стран мира и суеты рассказчик добавит,

что есть лишь одно-единственное, чего на Базаре найти не удастся – чего-то, что бы приятно пахло: *The only solitary thing one does not smell when he is in the Great Bazaar, is something which smells good* [8].

Как на восприятие политической системы Турции несомненное влияние оказали демократические взгляды Твена, так и его описание мусульманских ритуалов отмечено таким качеством «простака»-паломника, который П.В. Балдицын называет «нетерпимостью к людям другого цвета кожи, языка или вероисповедания» [3, с.216]. Однако, амбивалентный твеновский протак являет отнюдь не мракобесие или агрессивную религиозную рознь, но иронически остраненное непонимание. Это находит своё отражение, например, в описании «простаком» молящихся турков, которых он воспринимает как язычников, совершающих гимнастические упражнения: *Squatting and sitting in groups, here and there and far and near, were ragged Turks [...] bowing and straightening up, bowing again and getting down to kiss the earth, muttering prayers the while, and keeping up their gymnastics till they ought to have been tired, if they were not* [8]. Также, по мнению рассказчика, в Стамбуле недостаёт нравственности: непонятным и нелогичным кажется ему Коран, который запрещает употребление алкоголя, но разрешает многоженство и продажу наложниц на рынке.

Столь поверхностное представление о религии Востока проявляется и в описании мечети. Так, имена Аллаха и пророков (которые являются сакральными для мусульманского мира) написаны арабской вязью в позолоте и размещены на стенах Собора Святой Софии. «Протак» с его американским опытом сравнивает их с цирковой афишей: *...a monstrous inscription in Turkish characters, wrought in gold mosaic, that looks as glaring as a circus bill* [8]. Особенно комично выглядит то, что повествователь не делает различия между арабским языком и языком Османской империи – для него это совершенно одинаковые, непонятные значки. Следует отметить, что в Османской империи использовался алфавит, который, хоть и был составлен на основе арабского и персидского языков, всё же являлся не арабским, а османско-турецким алфавитом, который только в 1928 г. был заменён на латиницу [9, р. 53–54]

Традиционные турецкие завтраки опять же оказались далеки от ожидаемого. Антисанитарные условия поражают рассказчика. Используя приём гиперболизации, он рассказывает о случае, когда ему пришлось отказаться есть мясо, в котором он заподозрил псину. В другой раз он

не смог есть лепёшку, которую повар нечаянно уронил на пол и затем невозмутимо отёр о штаны; пришлось воздержаться и от жареных яиц после того, как повар поковырял вилкой в зубах, а затем ею же перевернул яичницу. Ироническая акцентуация непривычных для западного человека гигиенических норм становится вкладом Твена в обязательную для повествований о Востоке тему экзотической местной кухни.

Жесточайшим разочарованием оказывается посещение хамама – традиционных турецких бань, которые, сетует рассказчик, во всех книгах представляли как источник невероятных райских наслаждений, после которых ты чувствуешь себя абсолютно обновлённым: *For years and years I have dreamed of the wonders of the Turkish bath; for years and years I have promised myself that I would yet enjoy one* [8]. Параллельные конструкции усиливают эмоциональность и переживания рассказчика. Он подчёркивает, насколько глубоко он был введён в заблуждение, начитавшись книг о путешествиях по Востоку, сравнивая ожидания и действительность: *The reality is no more like it than the Five Points are like the Garden of Eden* [8]. Противопоставление райского сада и известных своей грязью и гнетущей атмосферой трущоб Нью-Йорка ярко даёт понять, что в западном сознании восточные реалии представляются совсем иначе, чем они есть в действительности, и, столкнувшись с подобной разницей, американец испытывает, говоря современным языком, когнитивный диссонанс. После неудачи с хамамом герой рассматривает турецкий кофе как последнюю возможность постичь наслаждения Востока: *Then he [a servitor] brought the world-renowned Turkish coffee that poets have sung so rapturously for many generations, and I seized upon it as the last hope that was left of my old dreams of Eastern luxury* [8]. Однако, попробовав кофе, он с отвращением заявляет, вновь акцентируя мотив религиозной розни: *Of all the unchristian beverages that ever passed my lips, Turkish coffee is the worst* [8]. Возможно, кофе не показался бы ему «мерзейшим напитком», если бы изначально не было его романтизации.

Герой покидает Стамбул в смешанных чувствах – расстроенный и разочарованный. Всё, что было прочитано в книгах и путеводителях, не соответствовало действительности – или соответствовало, но со знаком минус. От романтических иллюзий о Востоке герою пришлось отказаться.

Итак, в «Простаках за границей» Марка Твена сталкиваются «книжные» представления о

Стамбуле и восточной культуре и их переосмысление американским «простаком» с позиций здравого смысла и религиозного воспитания. Результат этого столкновения – обескураженный и непонимающий, чувствующий себя обманутым путешественник. Величественный Стамбул, город прекрасных мечетей, пышных садов и голубого Босфора, который можно пересечь на удивительно красивых лодках, город благовоний и восточных изысков, город с потрясающей кухней на деле предстаёт перед рассказчиком как шумный, многолюдный город «неверных», снующих туда-сюда и не умеющих ни управлять лодкой, ни готовить еду, ни принимать посетителей в хамаме; город грязный и «нечистый».

Словно через лупу, читатель видит, насколько внушенные представления о Востоке отличаются от действительно существующих. Возможно, культурный шок путешественника не был бы так силён, не находишь повествователь в плену предвзятостей, сформированных чтением путеводителей и произведений западных писателей о Востоке. Однако из-за того, что горизонт ожидания рассказчика был бесспорно нарушен, образ города у него сложился скорее отрицательный – ему хотелось поскорее уехать из Стамбула.

В формировании своего негативного впечатления рассказчик обвиняет не столько город, сколько путешественников и писателей, своими рассказами и книгами введшими его и товарищей в заблуждение: *When I think how I have been swindled by books of Oriental travel, I want a tourist for breakfast* [8]. Очевидно, что М. Твеном используются средства гиперболизации для усиления юмористического и иронического эффекта, критики романтических традиций, а также описания вещей такими, какие они есть в сознании простака, т.е. человека из народа, чьими глазами привычный мир выглядит «нелепо и вместе с тем правдиво» [3, с.219].

Список литературы

1. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1999. [Электронный ресурс.] – Режим доступа: http://raspopin.den-za-dnem.ru/index_e.php?text=405 (дата обращения 13.10.2014)
2. Саид Э.В. Ориентализм. / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. 640 с.
3. Балдицын П.В. Марк Твен // История литературы США: В 6т. Т.4: Литература последней трети XIX века. 1865–1900 (Становление реализма) / Ред. П.В. Балдицын, М. М. Коренева. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 203–311.

4. Твен М. Простак за границей, или Путь новых паломников [пер. с англ. И. Гуровой, Р. Облонской] // Твен, Марк. Собрание соч. в 12-ти тт. М.: ГИХЛ, 1959–1961, т.1, 644 с.

5. Kelly G. Social Conflict, Nation and Empire: From Gothicism to Romantic Orientalism. // *ARIEL: A Review of International English Literature* 20 (2). 1989. P. 3–18. – Режим доступа: <http://ariel.ucalgary.ca/ariel/index.php/ariel/article/viewFile/2210/2164> (дата обращения 21.11.2014)

6. Шейнкер В.Н. Марк Твен и романтическая традиция // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1998. №9. С.67–72. Режим доступа: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik>

[nsf/All/F913C5B25431B10CC3256727002E7B9E](http://www.gutenberg.org/files/3176/3176-h/3176-h.htm) (дата обращения 21.11.2014)

7. Корзина Н.А. Функция мотива с романтическим значением в реалистическом тексте: Марк Твен и романтизм // Литературный текст: проблемы и методы исследования / «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте. Тверь. Вып.V. 1999. С.91–102.

8. Mark Twain. *The Innocents Abroad, 1869* [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/3176/3176-h/3176-h.htm> (дата обращения 29.10.2014)

9. Gürçağlar Ş. T. *The politics and poetics of translation in Turkey, 1923-1960*. Amsterdam: Rodopi, 2008. 331 p.

THE IMAGE OF ISTANBUL IN AMERICAN AUTHORS' PERCEPTION (ON THE EXAMPLE OF MARK TWAIN'S TRAVEL BOOK *THE INNOCENTS ABROAD, 1869*)

O.Yu. Antsyferova, O.Yu. Listopadova

The article begins the multifaceted study of the image of Istanbul in English-speaking literature. Istanbul as an embodiment of cultural frontier is a rich source for imagological analysis. On the example of Mark Twain's humorous travel book «The Innocents Abroad», 1869 the image of Istanbul is studied from the point of view of an American traveler and pilgrim who is also a representation of «innocence». Such character demonstrates the stereotypes of the East, based on a great number of travel- and guide-books written by authors from the West. Thus, Mark Twain's image of Istanbul can be analyzed on the base of Edward Said's methodology. The article is aimed at studying the nature and genesis of cognitive dissonance, that was comically presented in Mark Twain's travel book.

Keywords: literary urbanism, imagology, orientalism, cultural Other, romantic stereotypes.

References

1. Mednis N.E. *Venetsiya v russkoy literature*. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. un-t, 1999. [Elektronnyy resurs.] – Режим доступа: http://raspopin.den-zadnem.ru/index_e.php?text=405 (дата обращения 13.10.2014).

2. Said E.V. *Orientalizm*. / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир", 2006. 640 с.

3. Balditsyn P.V. *Mark Tven // Istoriya literatury SShA: V 6t. T.4: Literatura posledney treti XIX veka. 1865–1900 (Stanovlenie realizma)*/ Red. P. V. Balditsyn, M. M. Koreneva. M.: IMLI RAN, 2003. S. 203–311.

4. Твен М. Простак за гранитсей, или Пут' новых паломников [пер. с англ. И. Гуровой, Р. Облонской] // Твен, Марк. Собрание соч. в 12-ти тт. М.: ГИХЛ, 1959–1961, т.1, 644 с.

5. Kelly G. Social Conflict, Nation and Empire: From Gothicism to Romantic Orientalism. // *ARIEL: A Review of International English Literature* 20 (2). 1989. P. 3–18. – Режим доступа: <http://ariel.ucalgary.ca/>

ariel/index.php/ariel/article/viewFile/2210/2164 (дата обращения 21.11.2014)

6. Sheynker V.N. *Mark Tven i romanticheskaya traditsiya // Vestnik Novgorodskogo gosuniversiteta im. Yaroslava Mudrogo*. Novgorod, 1998. №9. S.67–72. Режим доступа: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/F913C5B25431B10CC3256727002E7B9E> (дата обращения 21.11.2014)

7. Korzina N.A. *Funktsiya motiva s romanticheskim znacheniem v realisticheskom tekste: Mark Tven i romantizm // Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya / «Svoe» i «chuzhoe» slovo v khudozhestvennom tekste*. Tver'. Vyp.V. 1999. S.91–102.

8. Mark Twain. *The Innocents Abroad, 1869* [Elektronnyy resurs.] – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/3176/3176-h/3176-h.htm> (дата обращения 29.10.2014)

9. Gürçağlar Ş. T. *The politics and poetics of translation in Turkey, 1923–1960*. Amsterdam: Rodopi, 2008. 331 p.